

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.2

УДК 316.4 | ББК 60.561.2

© Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Ушакова Ю.В.

О СООТНОШЕНИИ ДЕФИНИЦИЙ СОЦИОЛОГИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ, СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ¹

ЧАСТЬ 1

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА АНДРИАНОВА

Тюменский государственный университет
Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
г. Тюмень, Российская Федерация
e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru
ORCID: [0000-0002-7769-9206](https://orcid.org/0000-0002-7769-9206); ResearcherID: [R-3798-2017](https://orcid.org/R-3798-2017)

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДАВЫДЕНКО

Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Российская Федерация
e-mail: vlad_davydenko@mail.ru
ORCID: [0000-0001-8389-4254](https://orcid.org/0000-0001-8389-4254); ResearcherID: [R-4047-2017](https://orcid.org/R-4047-2017)

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА УШАКОВА

Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Российская Федерация
e-mail: ushakovajuli@gmail.com
ORCID: [0000-0002-6671-6066](https://orcid.org/0000-0002-6671-6066); ResearcherID: [A-2792-2019](https://orcid.org/A-2792-2019)

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий»).

В первой части статьи раскрываются теоретические соотношения концептов социального пространства, социальной географии и социологии сельских территорий в контексте разрабатываемого авторами многопарадигмального подхода с точки зрения интеграции ключевых идей критического реализма, социального конструктивизма и институционализма, выдвигаются сильные аргументы относительно преимуществ принятого подхода в объяснении вектора развития современного гуманитарного знания. В частности, критический реализм привлекает внимание многих ученых широкого круга общественных дисциплин благодаря приверженности реалистической онтологии, видению действительной сложности социальных процессов, признанию значимости деятельности акторов и их реальных результатов; конструктивистская структура помогает понять социальный мир и действия акторов, выявляя нарративы на основе наблюдений и размышлений; институционализм, включающий институции – нормы и обычаи поведения, и институты – закрепление норм и обычаев в виде законов, организаций, учреждений, позволяет оценивать формальные и неформальные экономические действия и учитывать такие категории, как цена, спрос, выручка, издержки, прибыль, с учетом наиболее полного спектра интересов и отношений акторов, что важно для эмпирических выводов. Если многопарадигмальный подход иллюстрирует возможности совместимости множества самых разнообразных методологий, что имеет значение для синтеза противоречивых в своей основе концептов социального пространства, социальной (человеческой) географии и социологии сельских территорий, то поиски содержательных точек их возможного соприкосновения приводят к необходимости выявлять конструктивные нарративы в качественных исследованиях, разыскивая причинно-следственные связи, сопряженные с этими нарративами.

Социология сельских территорий, социальное пространство, социальная география, социология сельского хозяйства, сельская социология.

Введение

Термин «сельская территория» возможно идентифицировать как с позиций социологии сельского хозяйства, так и с позиций географии, причем как географии физической, так и географии человеческой. В этом пункте возникает научная проблема, решению которой посвящена статья. Ее теоретическая и практическая актуальность сопряжена с тем, что указанная проблема обладает своеобразной многослойностью определений и дефиниций, которые подлежат операционализации и верификации. Более того, в современном российском дискурсе, по оценкам многих ученых, сложилась некая «неразбериха» в понятиях и терминах географии. За последние десятилетия в отечественной социально-экономической географии в дискуссиях появилась «явная опасность ослабления и даже потери адекватной коммуникативности между так на-

зываемыми акторами, создающими и потребляющими информацию. Мы просто перестаем понимать друг друга»². Так, один из ведущих российских ученых Ю.Н. Гладкий, опубликовавший фундаментальную монографию по «гуманитарной географии», анализируя англоязычный термин «human geography», обосновал неоднозначность или непригодность целого ряда других возможных вариантов обозначения в русской версии терминов «общественная география» [1, с. 23], «социальная география» [1, с. 30–31], «антропогеография» [1, с. 31], «география человека» [1, с. 32].

Основоположник гуманитарной географии Д.Н. Замятин обозначает ее в «Социологическом обозрении» как «междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную

² Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 9.

(ментальную) деятельность» [2, с. 26]. При глубоком анализе употребления термина «гуманитарная география» сложившуюся ситуацию И.Н. Митин оценивает как «весьма запутанную» [3, с. 3]. Он справедливо предлагает «своеобразный международный аналог российской гуманитарной географии», для чего обращает внимание на одну из особенностей российской школы: «дрейф» в сторону гуманитарных наук и тенденцию к расширению предметной области самой российской географии. Нам весьма импонирует ключевой вывод Д.Н. Замятина о том, что англо-американская культурная география активно вовлечена в прикладные проекты, причем основанные, как правило, на социологических методах исследования и сфокусированные на конкретных ландшафтах и/или конкретных группах людей [3, с. 6].

С другой стороны, для раскрытия нашей темы имеют значение характеристики социального пространства современной России – от теоретических построений к эмпирическому его изучению, которые очень аргументированно прописаны в работах Л.А. Беляевой [4; 5], Ю.А. Дроздовой [6], И.В. Троцук [7]. Принципиально необходимым представляется изучение проблем развития села и социологии сельских территорий, что достаточно убедительно показано в работах О.Б. Божкова и И.В. Троцук [8], П.П. Великого [9], В.Г. Виноградского [10], Б.З. Докторовой и А.М. Никулина [11], З.И. Калугиной [12–14], Э.Н. Крылатых, Цви Лермана, А.С. Строкова, В.Я. Узун и Н.И. Шагайды [15], В.Г. Новикова [16], Ж.Т. Тощенко и П.П. Великого [17], В.Я. Узун и Н.И. Шагайды [18–21].

Исходя из этого краткого аналитического введения, акцентируется внимание на том, что цель, преследуемая авторами в статье, формулируется, с одной стороны, как методологическое обращение социологии к географии, с другой – географии к социологии по признаку «сельские территории» в поиске общих значений, смыслов и содержаний, выявлении общих сфер интересов (shared field of interest) и нанесении междисциплинарных границ (border drawing) для разных дисциплинарных подходов на пересечении

общей области интересов, которые можно обозначить как «повествовательные идентичности», составляющие переменное во времени и пространстве место человека в их культурно сконструированных историях. В статье ставится теоретическая задача по выявлению тех разграничительных линий, которые могут обозначать критические точки пространственных поворотов (spatial turns) в современной социологии и новые социологические повороты (new sociological turn) в современной географии, в том числе сопрягающиеся по ключевым признакам базового понятия сельских территорий (rural areas), выступающего в данной статье предметной областью.

Актуальность проблемы соотношения концептов (дефиниций) социологии сельских территорий, социального пространства и социальной географии состоит в том, что по каждому из представляемых научных направлений (парадигм) имеется своя собственная теоретическая, эмпирическая и критическая база как отечественных, так и зарубежных исследований в границах обозначенных предметных областей; при этом часто возникающие парадигмальные смысловые и содержательные напряженности между ними, как правило, обходят стороной. Поскольку особый научный интерес представляет изучение зарубежного опыта развития сельских территорий с учетом их особенностей и подходов к решению возникающих проблем в контексте социологии и географии, то основные задачи, решение которых должно привести к поставленной цели, важно перечислить в следующей последовательности: проранжировать виды географии по степени близости и сопряженности с социологией села и сельских территорий (большое значение имеют западные версии); представить философские и эпистемологические основания такого теоретического ранжирования и веские обоснования того, что они операционализируемы, верифицируемы и фальсифицируемы (по К. Попперу); показать, что происходит еще один новый поворот в гуманитарных науках – переход от количественных методов к

качественным, и на его базе возможны оригинальные выводы и решения, как теоретические, так и эмпирические, которые познакомят читателя с современными жанрами (подвидами) географии, типологиями и топологией социального пространства и села. В итоге это позволит продемонстрировать, чему социологи могут научить географов, а географы – социологов. Поскольку каждая отдельная парадигма и каждая объектная область весьма ограничены в методологическом охвате, то нужно выявлять сопрягающиеся признаки, идентифицирующие их важнейшие части.

В статье выдвигаются гипотезы: первая – о слабой совместимости научных дискурсов рассматриваемых концептов, вторая – о том, что «нарратив» может быть репрезентирующим форматом и формой опосредования между значениями, смыслами и содержаниями, которыми обладают концепты социального пространства, социальной географии и социологии сельских территорий в соответствующих контекстах критического реализма, социального конструктивизма и институционализма. Теоретическая и практическая актуальность статьи обусловлены тем, что новые подходы к качественным исследованиям принимают конкретную исследовательскую парадигму, связанную с устанавливаемой типологией анализа данных и изучением нарративов, по своей сути представляют собой социальные паттерны или социокультурные конструкции. Особой проблемой является то, что вовлекаемые в статью в научный оборот предметные дисциплинарные области наук географии (изучающей, как «землеописание», структуру, функционирование, взаимодействие и распределение в пространстве природных и природно-общественных систем и их компонентов), социологии (наука об обществе, изучающая составляющие его подсистемы, закономерности их функционирования и развития, институты, общности, организации, группы, нормы и отношения, социальные действия, раскрывая внутренние механизмы их строения и развития) и эпистемологии (изучающей отношения «объект – знание»)

достаточно разнородны и многослойны, требуют специальных идентификаций. Необходимо учитывать, что среди них всегда можно обнаружить сюжеты, состоящие из формальных и неформальных правил, норм, видоизменяющихся практик, связывающих или развязывающих институтов, множества сюжетов семьи, нации, экономической жизни – так называемые «нарративы» – повествования о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленные читателю в виде последовательности слов (образов), которые являются не столько описанием некой реальности, сколько инструкцией по ее определению и пониманию.

Но наиболее важно, что подобные нарративы никоим образом не включаются в личность. Скорее, они опосредованы широким спектром социальных, политических, социокультурных и экономических институтов и практик, составляющих социальный мир индивида. Таким образом, отсюда теоретическая цель статьи – выявить наиболее значимые компоненты нарративов и подчеркнуть достоинства каждой из предложенных исследуемых предметных областей, по возможности предельно сужая их изучение до конкретной дефиниции социального пространства, социальной географии или социологии сельских территорий, взятых для метаанализа с точек зрения конструктивных возможностей применения к ним исследовательских парадигм – критического реализма, социального конструктивизма и институционализма.

Научный вклад авторов обозначается тем, что для проверки теоретических гипотез о слабых уровнях совместимости дефиниций и о нарративе как репрезентирующем формате и форме их опосредования в научный оборот вовлечен достаточно обширный массив отечественной и зарубежной теоретической литературы. Также дается конструктивистский анализ эмпирических баз данных в авторском проекте, направленном на изучение возможностей, значения и перспектив развития сельских территорий, используемый в контексте критического реалистического и институционалистского

подходов. Верификация предложенных эмпирических гипотез осуществлена на основе полученных авторами данных 60 глубинных интервью на юге Тюменской области, проведенных и транскрибированных летом 2020 года, рассмотренных с применением методов контент-анализа, технологий нарративного (И. Троцук) и типологического (Г. Татарава) видов исследования. В результате на базе контент-анализа глубинных интервью по авторской тематике развития сельских территорий была предложена нарративная амбивалентная модель противоречивого отношения между властью и сельскими жителями, где на одном полюсе: «Власть помогает, есть диалог с властью», на другом полюсе: «Власть не помогает, нет диалога с властью», отсюда – иждивенчество и другие формы деструктивного поведения на селе.

Предложенные авторами дополнительные методологические основы для изучения причинных механизмов, ключевых процессов и причинно-следственных связей в целом привели к более глубокому пониманию полученных результатов теоретико-эмпирического исследования наблюдаемых социальных и организационных явлений на селе, операционализируемых и верифицированных на «стыках» и междисциплинарных границах социального пространства, социальной географии, социологии сельских территорий, критического реализма, социального конструктивизма и институционализма. Логика изложения, принятая в работе, соответствует формулировке научной проблемы, решению которой посвящена статья, стремлению к раскрытию ее теоретической и практической актуальности, определению цели и решению задач, ведущему к реализации поставленной цели.

Обзор литературы

В настоящее время существует весьма значительный объем литературы по социальным дисциплинам направлений, сопряженных с социальным пространством, социальной географией, социологии села / сельских территорий, как отечественных, так и зарубежных авторов. Исходя из ги-

потез, выдвинутых в нашем исследовании, было сделано предположение о том, что, с одной стороны, с точки зрения методологии, география как поведенческая наука по сути дела исчерпала свой социологический предметный научный потенциал, т. к. появились другие, новые, географии: культурная, общественная, политическая, социальная, человеческая; с другой стороны, современная сельская социология стала активно вовлекать в свой научный оборот базовые идеи экономической, социальной, человеческой географии. В связи с этим в обеих науках возникли «два поворота»: в географии – новый социологический поворот (a new sociological turn), сопряженный с вовлечением в дискурс географии ключевых идей классических социологов; в сельской социологии – новый географический поворот (a new geographical turn), сопряженный с вовлечением в дискурс сельской социологии ключевых идей классических географов, и новые «взаимопроникающие» научные концепции. Наиболее показательным это отражается в так называемых хэндбуках (handbooks) – руководстве, справочном пособии (справочнике), путеводителе, настольном руководстве, настольной книге, где публикуют статьи по определенной тематике мировые ученые, специалисты по данной научной проблеме. Среди такого рода хэндбуков целесообразно обратить внимание на «Справочник по сельским исследованиям», где в качестве авторов-редакторов выступили выдающиеся ученые П. Клок (географ), Т. Марсден и П.Х. Муни (социологи) [22]. В нем продемонстрированы пройденные и показаны будущие пути социологии сельских знаний Великобритании, особенности самой концептуализации сельской местности и характера сельской жизни; описаны сельские пространства в контексте методологии построения «тройной архитектуры», где контекст понимается как общий термин с точки зрения как масштаба (от глобального до основного), так и временных аспектов; объяснены ключевые моменты, в которых теоретизируются сельские сообщества, экономика, власть, политика, менеджмент,

культура, природа, способы выявления жизненных сил, энергии, жизнеспособности, устойчивости, состоятельности проживания в сельской местности; представлены теоретические и практические инновации труда (работы) и отдыха жителей села; описаны перестройки управления сельскими ресурсами; даны до сих пор очень популярный концепт «идиллической деревни» («*idyllic village*») и вариации на тему «сельской идиллии» («*rural idyll*»); культурные репрезентации (представления, модели) с упором на то, как новая сельская экономика и «новый культурный поворот» привели к значительному новому мышлению о селе; выявлены проблемы меркантилизации и ресурсного обеспечения сельских территорий; определены тенденции в защите прав сельских потребителей, зафиксированы не столь редкие случаи необеспеченности низших слоев населения, вновь и вновь возобновляемой бедности, нищенства, скудости, убогости, девиантного поведения в сельской местности. Достаточно близкие по тематике сельские сюжеты, хотя и по различным странам мира, представлены в другом хэндбуке – справочнике по развитию сельских районов, в качестве редактора которого выступал Г.П. Грин [23]. Сельские районы обычно сталкиваются с препятствиями для развития из-за низкой численности и плотности населения. В частности, здравоохранение, транспорт, образование и доступ к технологиям во многих сельских регионах сильно ограничены. Сельские жители являются хранителями большинства природных ресурсов, как возобновляемых (земля, вода и леса), так и невозобновляемых (нефть и полезные ископаемые), и играют важную роль в защите окружающей среды. В теоретической части хэндбука упор был сделан на концепциях устойчивого развития, описании актуальных проблем сложных взаимоотношений между сельскими сообществами, окружающей средой и экономикой, выработке долгосрочных решений, которые позволили бы людям улучшать качество своей жизни. Поскольку именно такое развитие всегда предполагает институциональные изменения,

то была поставлена задача по определению критериев и пониманию признаков институционального измерения (*institutional dimension*) того, что происходит в сельских областях и что за этим стоит, несмотря на то что институты уникальны, исторически обоснованы, меняются очень медленно и имеют решающее значение для социально-экономического и регионального развития. Предложена концепция определяющего развития сельских районов, которая включала бы не только одни экономические показатели, но и социальные и экологические аспекты; поиск действенных способов вовлечения сельских жителей в политику, направленную на укрепление потенциала местных сообществ и их общин. Было выявлено, что в сельских районах особенно трудно удерживать молодежь, поскольку молодые люди часто переезжают в городские районы по социальным и культурным причинам. Миграцию из сельских районов в города часто рассматривают как путь улучшения экономических и социальных возможностей для сельских жителей. Более того, технологические достижения в сельском хозяйстве позволили фермерам выращивать больше продуктов питания и клетчатки, что в конечном итоге привело к снижению цен для городских потребителей. Эта технологическая беговая дорожка реально означает, что для выращивания большего количества продуктов питания требуется меньше фермеров. Сокращение численности населения и занятости в сельских районах, по-видимому, выступает частью естественного процесса любого национального развития. Однако основная предпосылка состоит в том, что указанная метафора технологической беговой дорожки не является для села «естественной категорией», поскольку на сегодняшний день есть много причин для беспокойства по поводу условий и уровня жизни сельских жителей, их мест обитания и воспроизводства [23]. Делается важный вывод о том, что разработка региональных стратегий в сельских районах всего мира требует значительных преобразований в политических и социальных институтах в зависимости от конкретных стран сельского

базирования [23, с. 435]. Нужно подчеркнуть, что указанные и проанализированные в хэндбуке мировые тенденции, включая детерминанты бедности, достаточно типичны для наших российских сельских регионов.

В интернациональном хэндбуке по сельской демографии, редактируемом Л.Дж. Кейар и К.Дж. Кертис, представлены фундаментальные проблемы и тенденции сельской демографии практически всех стран мира; даны прекрасная описательная и глубокая аналитическая части социальной, экономической и экологической динамики в сельской демографии. Особое внимание хотелось бы заострить на концептах пространственной неоднородности и географической степени деконцентрации населения, верифицируемых в индексах измерения, а также ценных выводах в качестве последствий для реальной политики; необходимо подчеркнуть междисциплинарный компонент в научной части, описывающей уровни, способы интеграции экологии и демографии для понимания взаимосвязи между проблемами окружающей среды и сельским населением [24].

В собственно социологической фундаментальной монографии известного британского ученого С. Хиллард «Социология сельской жизни» достаточно полно и развернуто даны сюжеты по истории сельской социологии в Великобритании, научное представление села через новые проблемы, новые методы и подходы в сельской социологии и сельских исследованиях; поставлена оригинальная научная задача, сформулированная как «проблема поиска дисциплины социологии села» [25]. В приложении описана институциональная структура сельской социологии Великобритании: критические массы сельских исследователей в университетских департаментах, центрах и институтах; указаны социологи с «периферийным интересом к сельской местности» и профессиональные ассоциации; сделан обзор по сельским научным журналам [25, с. 157–160]. Текст этой книги предлагает «критическое введение в социологию села», он основан на классической и современной британской сельской литературе, домини-

рующих теоретических и методологических подходах. В качестве научной основы предложены подходы, которые базируются на интеракционистской социологической теории, этнографии и сельской географии, предлагаются альтернативы популярным подходам постмодернизма и политической экономии. В целом монография опирается на растущий статус качественных методов. Как убедительно показала С. Хиллард, появление сельской социологии связано с истоками самой социологической дисциплины в конце XIX века. Объяснение воздействия глубоких структурных изменений на социальные связи и сети означало, что первые социологические исследования касались не только сельских, но и городских районов; два измерения – город и село – шли рука об руку. Концепции-близнецы основателя сельской социологии Ф. Тенниса *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* (община и ассоциация) были именно такими: они определялись самими различиями между городом и селом. Согласно интерпретации С. Хиллард, по своей сути, *Gemeinschaft* была сентиментальной привязанностью к обычаям и нравам «любимого места», закрепленным в традиции, которая передавалась из поколения в поколение, от семьи к семье, поэтому и церковь, и семья были более важны и намного сильнее включены в доиндустриальное общество. Эта форма социальных отношений проистекает из прочных, тесных отношений, которые, в свою очередь, характеризовались большей эмоциональной сплоченностью, большей глубиной чувств и большей преемственностью и, следовательно, в конечном итоге были более значимыми. Таким образом, *Gemeinschaft* подразумевает тесные связи – как экономические, так и эмоциональные – с одним географическим регионом, но в то же время они тесно переплетены с глубиной и богатством личных социальных отношений [25, с. 8]. основополагающие работы Ф. Тенниса породили ряд двусмысленностей и трудностей, так как с точки зрения теоретизирования села в некотором смысле сохраняется теоретический вакуум, поскольку фундаментальные вопросы от-

носителю значения села для социологии остались не до конца выясненными. Тем не менее появилось несколько таких полезных концепций, как место, местность, местная социальная система и местное сообщество (общность), хотя точная природа их взаимосвязей не совсем ясна. Эти концепции в развитии теоретической социологии делают село достойным, хотя и неоднозначно, социологического внимания [25, с. 15].

В то время как современник Ф. Тенниса Г. Зиммель взялся за концептуальную разработку нового феномена промышленного города, они оба столкнулись с аналогичными теоретическими проблемами. Основные научные выводы этих социологов объясняли последствия огромного технического прогресса в начале XX века и влияния трансформации глубокой экономической реструктуризации на человеческие ассоциации и сообщества. Спустя 120 лет сельская социология как дисциплина и отрасль стала совершенно иной и гораздо менее заметной в рамках родительской дисциплины, развиваясь во многом независимо от социологии и, по сути, деградируя. Ее упадок, или маргинализация, стал очевиден в 1990-х гг. Несмотря на сильные корни в британских университетах, сельская социология, как небольшая дисциплина, была открыта для различных веяний и влияний и объединилась с инициативами, расширяющими границы ее критического исследования. Сельские социологи знакомы с понятиями и концепциями многих других дисциплин, что способствовало ловкости и гибкости научного аппарата и в целом придавало сельской социологии особый «внешний вид» междисциплинарной науки. Социологическое сельское изображение (в рамках термина Ч.Р. Миллса, когда просто социологическое изображение – это мастерство критически мыслящего интеллектуала) стало опираться на точку зрения маргинальности изучаемых людей, мест и процессов, когда социология села оказалась на периферии как дисциплина. Маргинальность стимулирует «взгляд снизу», побуждающий многих сельских социологов замечать и понимать вещи, которые, как

правило, остаются нераспознанными центром науки. Маргинальность социологии села привлекла внимание к истокам и воспроизводству социального и пространственного неравенства, различию его структур во времени. Поиск социологического определения «сельский» оказался, в конечном итоге, тщетным нежеланием признать, что термин «сельский» является эмпирической категорией, а не социологической, это просто «географическое выражение». Как таковое, сельское хозяйство часто рассматривалось как некое «остаточное явление» или просто «немодное» в социологии, потому что научные лидеры выбились опирающиеся на современные работы такие яркие дисциплины, как сельская культурная и социальная географии. По мнению С. Хиллард, каждый социологический и географический анализ позиционируется в рамках его собственного дисциплинарного контекста и парадигмы. Чтобы увидеть доминирующие теоретические и методологические идеи и подходы того времени, важно рассматривать объекты и предметы исследования с точки зрения каждого теоретика: что именно они считают действительно происходящим и почему; какими способами достигается социальный порядок; каковы последствия их выводов; что они определили в качестве ключевых переменных или концепций [25, с. 1–2]. Для того чтобы увидеть, есть ли научное будущее у сельской социологии и в каких направлениях может быть продолжена на самом деле полезная сельская социологическая работа, С. Хиллард подчеркнула, что такая постановка вопроса идет от идей Х. Ньюби. Он считал, что социология сельской местности / сельского хозяйства должна заниматься собственным теоретизированием, поскольку «не может быть теории сельского общества без теории общества» [26, с. 9].

Обратившись к новым идеям современных специалистов по сельской социологии Дж. Яффе и М. Гертлера (Joann Jaffe and Michael Gertler) [27], следует акцентировать внимание на разработанной ими конструктивной концепции поливалентности сельской социологии, посредством различных

путей распространения и распределения знаний позволившей помочь связать социологию с областями и наукой, которые в противном случае не было бы так легко реализовать. Сельская социология, по их мнению, ввела в оборот ряд работ, посвященных жизни за пределами города, а зачастую и за пределами воображения мегаполиса. Сельские социологи с периферии стали продвигать научные исследования ключевых современных проблем и институтов: систем собственности (режимов землевладения и интеллектуальной собственности), корпораций (глобальной реструктуризации агробизнеса), технических наук (биотехнологий и приватизации исследовательских программ). Прочно укоренившаяся в тематике материальности ресурсозависимых отраслей и экологических конфликтов сельская социология проложила путь, связывающей общую социологию с глобальной борьбой за экологическую справедливость, демократию знаний и устойчивое развитие. Сельские социологи внесли свой вклад в развитие социологии потребления, культуры и окружающей среды, укрепили социологию питания, диеты, продовольственной безопасности, знаний о продуктах питания и здоровья, показали, как социальное конструирование сельских мест включает реконструирование тел и гендерной идентичностей сельских женщин и мужчин. Взаимодействие с социологией окружающей среды и природных ресурсов привело к исследованиям «двойного отвлечения внимания» (*double diversion*) сельской отрасли, оспариваемого переосмысления риска (*contested reframing of risk*), вопросов экологического руководства (*environmental governance*), изменения климата и «стихийных бедствий» (*natural disasters*), таких как засухи, пожары и наводнения. Как предполагается, в дальнейшем научном движении сельская социология должна сыграть роль в теоретической и практической реинтеграции общества и природы, раскрытии и совместном создании знаний, которые выполнят обещания социального измерения устойчивого развития и в установлении справедливого мира между социальным и

биофизическим миром. Изучая структурные причины бедности и экологических кризисов, сельские социологи добавили сельские аспекты к исследованиям расы, класса, статуса, гендера и сексуальности как пересекающихся систем доминирования и сопротивления, представили свою социологию менее заметным организациям и интеллектуалам (академическим, общественным) по всему миру. С учетом своих исследовательских интересов и местонахождения сельские социологи логически изучают связи между местным и глобальным, сельским и городским, рынком и государством [27, с. 442–444].

Обратимся к классическим трудам и идеям западных авторов. Первым термин «*γεωγραφία*» (буквально «описание земли») стал использовать греческий ученый Э. Киренский (276–194 до н. э.). Он, отмечая вклад Гомера в художественное изображение стран и государств, выступил с критикой его топографии за отсутствие достаточно полного представления. Эратосфен стал делать свои собственные картографические изображения земель, используя новые для того времени методы точного измерения территории Древней Греции и Древнего Египта. Его методы были основаны на информации из его собственных путешествий и анализе данных, которые он получал от бематистов – специалистов, обученных точно измерять расстояния, считая свои шаги. Такая работа имела строго практическое применение для сельскохозяйственных и налоговых целей. С помощью своих открытий и знаний о размерах и формах Земли Эратосфен стал рисовать отдельные участки, помещая сетки перекрывающихся линий по поверхностям, используя параллели и меридианы, чтобы связать воедино все нужные места. С помощью этой сетки он оценивал расстояния на поверхности Земли от исходной точки до самых удаленных мест. В силу должностного положения в Александрийской библиотеке у Эратосфена был свободный доступ к путевым книгам, содержащим ценную информацию и представления о мире, и он стал собирать все воедино в собственном организованном формате, создавая терминологию,

которая используется до сих пор. В трехтомном труде «География» («Geographika») он нанес на карты весь известный тогда мир и полностью их описал [28]. Это был прорыв в науке, за что Эратосфен был назван «отцом современной географии»³. Предложенный исторический контекст полезен тем, что дает ясное представление по поводу зарождения географической науки. Остается соединить ее с социологической наукой в достаточно адекватных категориально-понятийных форматах, с тем чтобы попытаться реализовать цель исследования, поставленную в статье.

В современной западной парадигме географию часто определяют в терминах двух ветвей: физической географии (physical geography) и человеческой географии (human geography). Если первая исследует природную естественную среду и то, каким образом организмы, климат, почва, вода, формы рельефа воспроизводятся и взаимодействуют между собой, то вторая фокусируется на искусственной среде и на том, как люди создают, видят пространство и влияют на него [29, с. 502]. Если предмет человеческой географии – изучение людей и их сообществ, культур, экономик, а также их взаимодействий с окружающей средой путем изучения их отношений с пространством и между собой, то предметом физической географии стало познание процессов и закономерностей в природной среде: атмосферы, геосферы, гидросферы, биосферы (глобальных структур флоры и фауны). География – это всеобъемлющая дисциплина, которая стремится понять Землю, ее человеческие особенности и природные сложности, не только где находятся объекты, но и как они изменились и возникли. Традиции в географических исследованиях – пространственный анализ природных и антропогенных явлений, территориальные исследования мест и регионов, изучение взаимоотношений человека и

земли – дали основание называть географию мировой дисциплиной и мостом между гуманитарными и физическими науками⁴.

Поскольку место и пространство влияют на экономику, общество, здоровье, климат, животных и растения, то география считается в высшей степени междисциплинарной наукой, и этот сложный характер географического подхода зависит от внимания к отношениям между физическими и человеческими особенностями и их пространственными паттернами (образцами) [30]. Для нашей темы актуальным становится анализ типов человеческой географии, или география человека (human geography), в тех разветвлениях и аспектах, как это сейчас принято в англо-американской литературе. Говоря кратко, в середине XX века все географы стали применять статистические и математические модели для решения пространственных задач, что привело к количественной революции в региональной географии. Значительная часть изменений очевидна в использовании географических информационных систем, статистики, пространственного моделирования, других позитивистских подходов⁵. В 1970-х гг. появился ряд критических замечаний в адрес географического позитивизма, известных под термином «критическая география». Это стало еще одним поворотным моментом. В 1980-х гг. возникла очень влиятельная «радикальная география», основанная во многом на теории и методах марксизма, связанная с именем Д. Харви (David Harvey), статьи которого с большим энтузиазмом приветствовали российские географы [31]. Демонстрируя сложность, актуальность и социально-критическую релевантность этих исследований, Д. Харви указал на необходимость комплексного подхода в анализе пространства, а также на продуктивность междисциплинарной работы с ее символическими и материальными аспектами, важ-

³ Smith W. Eratosthenes. A Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Library, 2005.

⁴ Hayes-Bohanan J. What is Environmental Geography, Anyway? URL: <https://webhost.bridgew.edu/jhayesboh/environmentalgeography.htm>

⁵ Ron J. Human Geography. In: J. Ron, G. Derek, P. Geraldine (eds.). The Dictionary of Human Geography. Oxford: Blackwell, 2000. Pp. 353–360.

ность критического анализа того, что мы понимаем, когда говорим и пишем о пространстве.

Радикальные географы говорили значимые вещи о проблемах, распознаваемых с помощью количественных методов, предлагали объяснения, а не описания, выдвигали альтернативы и реальные решения, не вставали в позицию отстраненности, присущую позитивистам, а проявляли политическую активность и гражданскую мужественность. В течение этого же времени в качестве нового средства понимания, как люди создают воспринимаемые пространства и места, и главное – как они принимают решения о местоположении и своем поведении, возникли поведенческая и гуманистическая географии. Наиболее ярким представителем этих направлений стал И-Фу Туан (Yi-Fu Tuan). Он настаивал на гораздо более качественном подходе в методологии, чем это было до него. Последующие изменения в критической географии в сопряжении с постмодернистскими и постструктурными теориями, философиями и эпистемологией привели к самым современным подходам в этой дисциплине. В 1990-х гг. появилась новая культурная география, состоящая из изучения культурных продуктов и норм, их мозаики и вариаций в разных местах и пространствах, как и их отношений. Она фокусировалась на детальном описании и анализе того, как язык, религия, сообщества, экономика, правительства и другие культурные явления изменяются или остаются неизменными в зависимости от перемещения от одного места к другому, конструктивно объясняя, как люди и их культурные паттерны функционируют в пространстве [32]. В XXI веке появился целый спектр других новых географий: география развития (development geography) – изучение географии Земли со ссылками на уровень и качество жизни ее жителей в контексте изучения местоположения, распределения и пространственной организации экономической и социокультурной деятельности по всей Земле [33]; география развития и транспорта [34]; гендерная, феминистская и миграционная географии. Появились спе-

циальная серия «Международная гендерная география» [35]; детализированные и углубленные хэндбуки по географии регионов и территорий с традиционными сериями географических исследований [36]; хэндбуки по географии коррупции [37]; хэндбуки по географии религии [38]. Искусство теоретизирования, и особенно теоретизирования в географии, – это достаточно сложное и разнообразное занятие. В данной статье предлагается недетерминированный и основанный на механизмах подход к причинному объяснению и развитию теории в социальной/человеческой географии. Такая каузальная теория должна носить объяснительный характер; ее объяснительная сила зависит от идентификации и спецификации механизмов, связывающих причину и результаты в определенных историко-географических контекстах. Это – наше авторское интуитивное видение будущего социальной географии на основании изучения современных западных книг и статей.

Для решения задач, поставленных в статье, следует обратить особое внимание на новые хэндбуки по экономической географии [39]; расширенные и углубленные варианты по географии человека [40; 41]; особенно – на востребованный сегодня хэндбук по экологической экономике [42], новые концепции, тенденции и эмпирические результаты поведенческой и когнитивной географии [43]. Подчеркнем, что на исследуемую тематику исключительно сильно влияют методологические подходы и принимаемые предположения. На этих аспектах остановимся достаточно подробно.

Методология анализа

В этом подразделе статьи обсуждаются основные методологические проблемы, которые можно свести к стандартной эпистемологической позиции, рассматривающей теорию не только как абстрактные приемы, но и, что наиболее важно, как объяснение социально-пространственных, институциональных и социокультурных изменений современными средствами представления причинных механизмов и процессов на основе

критического понимания открытых систем, контекста и применения качественных методов. Полезную философскую основу для этого способа теоретизирования, основанного на механизмах и процессах, обеспечивает критический реализм – философский подход к пониманию науки в терминах Р. Бхаскара (Roy Bhaskar 1944–2014) [44]. Критический реализм Р. Бхаскара, учитывая его понимание устойчивых структур и механизмов, порождающих явления, предлагается как средство, с помощью которого географы и социологи могут раскрывать особенности контекстов, приводящих в движение различные механизмы, для того чтобы производить определенные результаты. Его подход сочетает в себе общую философию науки (трансцендентальный реализм) с философией социальных наук (критический натурализм), который выступает против форм эмпиризма и позитивизма, рассматривая науку как связанную с выявлением причинных механизмов. Кроме того, в контексте социальных наук критический реализм утверждает, что научное исследование может напрямую вести к конструктивной критике социальных механизмов и институтов. Указанный подход стал влиятельным движением в британской социологии и социальных науках в целом как реакция на постмодернизм. Это один из ряда типов философского реализма, пропагандируемых в современных социальных науках, сопряженный как с аналитической социологией [45], так и метатеорией XXI века [46]. Методологическая сила критического реализма заключается в следующем: если эмпиризм и позитивизм в целом помещают причинные связи только на уровне событий, то критический реализм помещает их на уровне порождающего механизма. Смысл этого утверждения состоит в том, что науку следует понимать как непрерывный процесс, в рамках которого ученые совершенствуют концепции, используемые для того чтобы понять изучаемые механизмы. Позитивизм/фальсификационизм отвергаются критическим реализмом из-за вероятности того, что если механизм будет существовать, то он не будет активирован; если будет активирован,

то не воспринят; либо активирован и воспринят, но ему будут противодействовать другие механизмы, из-за чего возникнут непредсказуемые последствия. Нереализация постулируемого механизма не может, в отличие от утверждений позитивистов, означать его несуществование.

Помимо этого, критический реализм для более глубокого качественного исследования объединяет свои исследовательские парадигмы с конструктивизмом в рамках традиционных подходов в русле теорий П. Бергера, Т. Лукмана, А. Шютца. Современные многопарадигмальные подходы конструктивизма иллюстрируют для ученых новые методологические приложения с целью дальнейшего изучения конструктивистских нарративов и наблюдений, с тем чтобы понять социальный мир участников исследования и связанных с ними действий, выявляя и разыскивая причинно-следственные связи, сопряженные с этими нарративами и наблюдениями, в частности в статье 2020 года Ф. Богна, А. Райнери и Дж. Делла (Frank Bogna, Aldo Raineri and Geoff Dell) [47]. С двумерными и многомерными методологиями анализа критического реализма сопрягаются теории среднего радиуса действия (middle-range theories), которые по своей сущности объединяют, а не дробят эмпирические данные. И в социологии – у Р. Мертона [48], и в социальной географии – у Й.Г. Вай-Чжунга [49; 50] теории среднего диапазона разграничивают комплекс логически взаимосвязанных предположений, из которых выводятся эмпирически проверяемые гипотезы, и эмпирическое обобщение как отдельное утверждение, подводящее итог наблюдаемым закономерностям отношений между двумя или более переменными [51]. Теория среднего диапазона, или «среднего радиуса действия», может предоставить большую возможность для многомасштабности в ее эмпирическом применении и в географии, и в социологии. Ее скалярная гибкость позволяет строить лучшие связи с другими теориями среднего диапазона в более широких социальных науках и вносить в них

наиболее продуктивный вклад. В настоящее время существует весьма значительный объем литературы по социальным наукам, посвященной механизму как концептуаль-

ному аппарату для разработки причинных объяснений как теории среднего диапазона, так и в аналитической социологии в целом, а также в контексте критического реализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. СПб.: Филол. фак-т С.-Петербур. гос. ун-та, 2010. 663 с.
2. Замятин Д. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–50.
3. Митин И.Н. Гуманитарная география: проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и мировом контекстах // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 1–10.
4. Беляева Л.А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 58–72.
5. Беляева Л.А. Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // Философские науки. 2012. № 6. С. 22–35.
6. Дроздова Ю.А. Основные методологические подходы в исследовании региона // Вестн. Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Сер.: Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 26–37.
7. Троцук И.В. «... Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...» // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1. С. 148–165. DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-148-165
8. Божков О.Б., Троцук И.В. Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 731–746. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-731-746
9. Великий П.П. Успешные хозяева сельских подворий: наследники традиций и новаторы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 4 (2). С. 115–124. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-115-124
10. Виноградский В.Г. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 82–91.
11. Докторов Б.З., Никулин А.М. Теодор Шанин: крестьяноведение и Россия // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 3. С. 146–172.
12. Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2001. 196 с.
13. Калугина З.И. Итоги рыночной трансформации аграрного сектора России // ЭКО. 2013. № 3. С. 31–47.
14. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России. Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2015. 342 с.
15. Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве: методические подходы и планируемые результаты: семинар / Э.Н. Крылатых [и др.] // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 2. С. 102–126.
16. Новиков В.Г. Сельская социология России: ее социальное пространство, предметная специфика и генезис // Вестн. ун-та. 2018. № 9. С. 152–158.
17. Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–33.
18. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Дело, 2015. 352 с.
19. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Оценка влияния институциональных и структурных изменений на развитие аграрного сектора России // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 39–58.
20. Шагайда Н.И., Узун В.Я. Драйверы роста и структурных сдвигов в сельском хозяйстве России. М.: Дело, 2019. 98 с.
21. Шагайда Н.И., Узун В.Я. Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России: аналит. докл. М.: РАНХиГС, Центр агропродовольственной политики РАНХиГС, 2017. 90 с.
22. Cloke P., Marsden T., Mooney P.H. *Handbook of Rural Studies*. Sage Publications Inc. UK (Category: Social Sciences – Sociology), 2006. 528 p.

23. Green G.P. *Handbook of Rural Development*. Edward Elgar, 2014. 384 p.
24. Kulcsár L.J., Curtis K.J. (eds.). *International Handbook of Rural Demography*. Springer, 2012. 858 p.
25. Hillyard S. *The Sociology of Rural Life*. Berg Publishers, Oxford, New York, 2007. 204 p.
26. Newby H. Rural sociology. *Current Sociology*, 1980, vol. 28 (1), pp. 1–17.
27. Jaffe J., Gertler M. Rural sociology. In: *The Cambridge Handbook of Sociology*. Vol. 1. Eds. K. Korgen. Publisher: Cambridge University Press, 2017. 538 p.
28. *Eratosthenes' Geography*. Illustrated Edition. D.W. Roller (Translator). Publisher: Princeton University Press, 2010. 320 p.
29. Hough C., Izdebska D. Names and geography. In: *The Oxford Handbook of Names and Naming*. Oxford University Press, USA, 2017. 771 p.
30. Hornby W.F., Jones M. *An Introduction to Settlement Geography*. Cambridge University Press, 1991. 151 p.
31. Харви Д. Пространство как ключевое слово // Топос. 2011. № 1. С. 10–39.
32. Jordan-Bychkov T.G., Domosh M. *The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography*, 8th Edition. New York, 1999. 564 p.
33. Chant S., McIlwaine C. *Geographies of Development in the 21st Century. An Introduction to the Global South*. UK, 2008. 384 p.
34. Hickman R., Givoni M., Bonilla D., Banister D. *Handbook on Transport and Development*. UK, 2017. 736 p.
35. Oso L. *The International Handbook on Gender, Migration and Transnationalism: Global and Development Perspectives*. Universidade da Coruña and Natalia Ribas-Mateos, Universitat Autònoma de Barcelona, Spain, 2015. 512 p.
36. Paasi A., Harrison J., Jones M. *Handbook on the Geographies of Regions and Territories*. UK, 2018. 544 p.
37. Warf B. *Handbook on the Geographies of Corruption*. Department of Geography, University of Kansas, USA, 2018. 392 p.
38. Clarke M. *Handbook of Research on Development and Religion*. Deakin University, Melbourne, Australia, 2014. 612 p.
39. Wojcik D., Clark G.L., Feldman M.P., Gertler M.S. *The New Oxford Handbook of Economic Geography*. Publisher: Oxford University Press; 2nd edition, 2018. 848 p.
40. Lee R. et al. *The SAGE Handbook of Human Geography*. SAGE Publications Ltd, 2014, vol. 1, 2. 840 p.
41. Cloke P., Crang Ph., Goodwin M. *Introducing Human Geographies*. Publisher: Routledge; 3rd edition, 2014. 1088 p.
42. Spash C.L. *Routledge Handbook of Ecological Economics: Nature and Society*. Publisher: Routledge, 2018. 570 p.
43. Montello D.R. *Handbook of Behavioral and Cognitive Geography*. Publisher: Edward Elgar Pub, 2018. 448 p.
44. Bhaskar R. *A Realist Theory of Science – (Critical realism)*. Publisher: Routledge, 2008. 310 p.
45. Bearman P., Hedström P. *Handbook of Analytical Sociology*. Oxford University Press, 2009. 794 p.
46. Bhaskar R., Esbjörn-Hargens S., Hedlund N., Hartwig. M. *Metatheory for the Twenty-First Century: Critical Realism and Integral Theory in Dialogue*. Edited by Publisher: Routledge, 2015. 358 p.
47. Bogna F., Raineri A., Dell G. Critical realism and constructivism: merging research paradigms for a deeper qualitative study. *Qualitative Research in Organizations and Management. An International Journal*, 2020. DOI: 10.1108/QROM-06-2019-1778
48. Мертон Р. О социологических теориях среднего уровня // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ Хранитель, 2006. Гл. 2. С. 64–104.
49. Yeung Henry Wai-Chung. What kind of theory for what kind of human geography? *Dialogues in Human Geography*, 2019, vol. 9 (3), pp. 283–292. DOI: 10.1177/2043820619875361
50. Yeung Henry Wai-Chun. Rethinking mechanism and process in the geographical analysis of uneven development. *Dialogues in Human Geography*, 2019, vol. 9 (3), pp. 226–255. DOI: 10.1177/2043820619861861
51. Hedstrom P., Udehn L. Analytical sociology and theories of the middle range. In: *Handbook of Analytical Sociology*. Ed. by P. Bearman, P. Hedström. Oxford University Press, 2009. 794 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Владимировна Андрианова – заведующий кафедрой, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет», Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Свердлова, д. 5; e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru

Владимир Александрович Давыденко – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет». Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: vlad_davidenko@mail.ru

Юлия Владимировна Ушакова – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет». Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: ushakovajuli@gmail.com

Andrianova E.V., Davydenko V.A., Ushakova Yu.V.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN DEFINITIONS OF SOCIOLOGY OF RURAL AREAS, SOCIAL SPACE, AND SOCIAL GEOGRAPHY: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

PART 1

The first part of the article reveals the theoretical relations of the concepts of social space, social geography, and rural sociology in the context of the multi-paradigm approach developed by the authors. The paper analyses the issue in terms of integrating the key ideas of critical realism, social constructivism and institutionalism, and puts forward strong arguments about the advantages of the adopted approach in explaining the development vector of modern humanitarian knowledge. In particular, critical realism attracts the attention of many scientists from a wide range of social disciplines due to the commitment to realistic ontology, the vision of the actual complexity of social processes, the recognition of the significance of the activities of actors and their real results. The constructivist structure helps to understand the social world and the actors' actions identifying narratives based on observations and reflections. Institutionalism includes institution – norms, customs of behavior, and institutions – the consolidation of norms and customs in the form of laws, organizations, and institutions. It allows evaluating formal and informal economic actions, and including such categories as price, demand, revenue, costs, profit taking into account the most complete range of interests and relations of actors which is important for empirical conclusions. If the multi-paradigm approach illustrates the possibilities of compatibility of a wide variety of methodologies, which is important for the synthesis of fundamentally contradictory concepts of social space, social (human) geography and rural sociology, then the search for meaningful points

of their possible contact leads to the need to identify constructive narratives in qualitative research, looking for cause-and-effect relationships associated with these narratives.

Sociology of rural areas, social space, social geography, sociology of agriculture, rural sociology.

REFERENCES

1. Gladkii Yu.N. *Gumanitarnaya geografiya: nauchnaya eksplikatsiya* [Humanitarian Geography: Scientific Explication]. St. Petersburg: Philology Faculty of the St. Petersburg State University, 2010. 663 p.
2. Zamiatin D. Humanitarian geography: space, imagination, and interaction between contemporary human sciences. *Sotsiologicheskoye obozreniye=Russian Sociological Review*, 2010, vol. 9, no. 3, pp. 26–50 (in Russian).
3. Mitin I.N. Geohumanities: terminology & (self-)identity problems in Russian & international contexts. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya=Cultural Geography & Geohumanities*, 2012, vol. 1, no. 1, pp. 1–10 (in Russian).
4. Belyaeva L.A. Social Distances as a feature of the contemporary Russian social space. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 58–72 (in Russian).
5. Belyaeva L.A. Social space: from theoretical constructs to empirical study. *Filosofskiye nauki=Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2012, no. 6, pp. 22–35 (in Russian).
6. Drozdova Yu.A. General methodological approaches to region studies. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki=PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2018, no. 4, pp. 26–37 (in Russian).
7. Trotsuk I.V. "...The search for a better world must be based on a thorough knowledge of geography". *Krest'yanovedeniye=Russian Peasant Studies*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 148–165. DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-148-165 (in Russian).
8. Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. Tendencies of the Russian rural areas development: the research task and first results of the comparative case-study. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 731–746. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-731-746 (in Russian).
9. Velikiy P.P. Successful rural farmsteads: heirs of traditions and innovators. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'=Historical and Social-Educational Ideas*, 2018, vol. 10, no. 4 (2), pp. 115–124. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-115-124 (in Russian).
10. Vinogradski V.G. Peasant world in discourse of general grief. *Sotsiologicheskoye obozreniye=Russian Sociological Review*, 2015, no. 12, pp. 82–91 (in Russian).
11. Doktorov B.Z., Nikulin A.M. Teodor Shanin: peasant studies and Russia. *Krest'yanovedeniye=Russian Peasant Studies*, 2020, vol. 5, no. 3, pp. 146–172 (in Russian).
12. Kalugina Z.I. *Paradoksy agrarnoy reformy v Rossii. Sotsiologicheskyy analiz transformatsionnykh protsessov* [Paradoxes of the Agrarian Reform in Russia. Sociological Analysis of Transformational Processes]. Novosibirsk: Izd. IEiOPP SO RAN, 2001. 196 p.
13. Kalugina Z.I. The results of market transformation of the agrarian sector in Russia. *EKO=ECO Journal*, 2013, no. 3, pp. 31–47 (in Russian).
14. Kalugina Z.I. *Rynoch'naya transformatsiya agrarnogo sektora Rossii. Sotsiologicheskyy diskurs* [Market Transformation of the Agricultural Sector in Russia. Sociological Discourse]. Novosibirsk: Izd. IEiOPP SO RAN, 2015. 342 p.
15. Krylatykh E.N. et al. Round table "Assessment of structural changes in agriculture: methodological approaches and estimated results". *Krest'yanovedeniye=Russian Peasant Studies*, 2018, vol. 3, no. 2, pp. 102–126 (in Russian).
16. Novikov V.G. Russian rural sociology: its social space, subject specificity and genesis. *Vestnik instituta=University Bulletin*, 2018, no. 9, pp. 152–158 (in Russian).
17. Toshchenko Zh.T., Velikiy P.P. The key meanings of the lifeworld of rural residents in Russia. *Mir Rossii=Universe of Russia*, 2018, vol. 27, no. 1, pp. 7–33 (in Russian).
18. Uzun V.Ya., Shagaida N.I. *Agrarnaya reforma v postsovetskoy Rossii: mekhanizmy i rezul'taty* [Agrarian Reform in Post-Soviet Russia: Mechanisms and Results]. Moscow: Delo, 2015. 352 p.

19. Uzun V.Ya., Shagaida N.I. Evaluation of the impact of instructional and structural changes on the development of the Russian agricultural sector. *Voprosy ekonomiki=Economic Issues*, 2019, no. 4, pp. 39–58 (in Russian).
20. Shagaida N.I., Uzun V.Ya. *Drayvery rosta i strukturnykh sdvigov v sel'skom khozyaystve Rossii* [Growth Drivers and Structural Changes in Russian Agriculture]. Moscow: Delo, 2019. 98 p.
21. Shagaida N.I., Uzun V.Ya. *Tendentsii razvitiya i osnovnyye vyzovy agrarnogo sektora Rossii: analiticheskiy doklad* [Development Trends and Main Challenges of the Russian Agricultural Sector: Analytical Report]. Moscow: RANEPА, Center for Agri-Food Policy, RANEPА, 2017. 90 p.
22. Cloke P., Marsden T., Mooney P.H. *Handbook of Rural Studies*. Sage Publications Inc. UK (Category: Social Sciences – Sociology), 2006. 528 p.
23. Green G.P. *Handbook of Rural Development*. Edward Elgar, 2014. 384 p.
24. Kulcsár L.J., Curtis K.J. (eds.). *International Handbook of Rural Demography*. Springer, 2012. 858 p.
25. Hillyard S. *The Sociology of Rural Life*. Berg Publishers, Oxford, New York, 2007. 204 p.
26. Newby H. Rural sociology. *Current Sociology*, 1980, vol. 28 (1), pp. 1–17.
27. Jaffe J., Gertler M. Rural sociology. In: *The Cambridge Handbook of Sociology*. Vol. 1. Eds. K. Korgen. Publisher: Cambridge University Press, 2017. 538 p.
28. *Eratosthenes' Geography*. Illustrated Edition. D.W. Roller (Translator). Publisher: Princeton University Press, 2010. 320 p.
29. Hough C., Izdebska D. Names and geography. In: *The Oxford Handbook of Names and Naming*. Oxford University Press, USA, 2017. 771 p.
30. Hornby W.F., Jones M. *An Introduction to Settlement Geography*. Cambridge University Press, 1991. 151 p.
31. Harvey D. Space as a keyword. *Topos=Topos*, 2011, no. 1, pp. 10–39 (in Russian).
32. Jordan-Bychkov T.G., Domosh M. *The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography*, 8th Edition. New York, 1999. 564 p.
33. Chant S., McIlwaine C. *Geographies of Development in the 21st Century. An Introduction to the Global South*. UK, 2008. 384 p.
34. Hickman R., Givoni M., Bonilla D., Banister D. *Handbook on Transport and Development*. UK, 2017. 736 p.
35. Oso L. *The International Handbook on Gender, Migration and Transnationalism: Global and Development Perspectives*. Universidade da Coruña and Natalia Ribas-Mateos, Universitat Autònoma de Barcelona, Spain, 2015. 512 p.
36. Paasi A., Harrison J., Jones M. *Handbook on the Geographies of Regions and Territories*. UK, 2018. 544 p.
37. Warf B. *Handbook on the Geographies of Corruption*. Department of Geography, University of Kansas, USA, 2018. 392 p.
38. Clarke M. *Handbook of Research on Development and Religion*. Deakin University, Melbourne, Australia, 2014. 612 p.
39. Wojcik D., Clark G.L., Feldman M.P., Gertler M.S. *The New Oxford Handbook of Economic Geography*. Publisher: Oxford University Press; 2nd edition, 2018. 848 p.
40. Lee R. et al. *The SAGE Handbook of Human Geography*. SAGE Publications Ltd, 2014, vol. 1, 2. 840 p.
41. Cloke P., Crang Ph., Goodwin M. *Introducing Human Geographies*. Publisher: Routledge; 3rd edition, 2014. 1088 p.
42. Spash C.L. *Routledge Handbook of Ecological Economics: Nature and Society*. Publisher: Routledge, 2018. 570 p.
43. Montello D.R. *Handbook of Behavioral and Cognitive Geography*. Publisher: Edward Elgar Pub, 2018. 448 p.
44. Bhaskar R. *A Realist Theory of Science – (Critical realism)*. Publisher: Routledge, 2008. 310 p.
45. Bearman P., Hedström P. *Handbook of Analytical Sociology*. Oxford University Press, 2009. 794 p.
46. Bhaskar R., Esbjörn-Hargens S., Hedlund N., Hartwig. M. *Metatheory for the Twenty-First Century: Critical Realism and Integral Theory in Dialogue*. Edited by Publisher: Routledge, 2015. 358 p.
47. Bogna F., Raineri A., Dell G. Critical realism and constructivism: merging research paradigms for a deeper qualitative study. *Qualitative Research in Organizations and Management. An International Journal*, 2020. DOI: 10.1108/QROM-06-2019-1778

48. Merton R. On the middle-range sociological theories. In : *Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Merton R. Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST Khranitel', 2006. Chapter 2, pp. 64–104 (in Russian).
49. Yeung Henry Wai-Chung. What kind of theory for what kind of human geography? *Dialogues in Human Geography*, 2019, vol. 9 (3), pp. 283–292. DOI: 10.1177/2043820619875361
50. Yeung Henry Wai-Chun. Rethinking mechanism and process in the geographical analysis of uneven development. *Dialogues in Human Geography*, 2019, vol. 9 (3), pp. 226–255. DOI: 10.1177/2043820619861861
51. Hedstrom P., Udehn L. Analytical sociology and theories of the middle range. In: *Handbook of Analytical Sociology*. Ed. by P. Bearman, P. Hedström. Oxford University Press, 2009. 794 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Andrianova – Head of Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “University of Tyumen”. 6, Volodarskii Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; Senior Researcher, West Siberian Affiliation of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. 5, Sverdlov Street, 625003, Tyumen, Russian Federation; e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru

Vladimir A. Davydenko – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of Research Center, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “University of Tyumen”. 6, Volodarskii Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: vlad_davidenko@mail.ru

Yulia V. Ushakova – Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “University of Tyumen”. 6, Volodarskii Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: ushakovajuli@gmail.com